УДК 327.5

DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

Июльский кризис 1914 г.: по материалам новых архивных публикаций МИД РФ

Ольга В. Павленко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, pavlenko@rggu.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются события Июльского кризиса, действия Николая II, ключевых дипломатов по недопущению превращения кризиса в полномасштабную войну, причины, по которым компромисс оказался невозможен. Большой объем документов, опубликованных МИД РФ, позволяет восстановить и подробно проанализировать действия российской стороны, дипломатов Австро-Венгрии, Германии и Сербии.

Ключевые слова: Июльский кризис, Первая мировая война, переговорный процесс, Россия, Австро-Венгрия, Сербия

Для цитирования: Павленко О.В. Июльский кризис 1914 г.: по материалам новых архивных публикаций МИД РФ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 3. С. 141–154. DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

The July crisis of 1914. According to the materials of the new archival publications of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs

Olga V. Pavlenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, pavlenko@rggu.ru*

Abstract. The article deals with the events of the July crisis, Nicolas the II's actions, the leading diplomats' measures to prevent the turn of the crisis into a full-scale war; the paper also discusses the reasons according to which a compromise proved to be impossible. A large number of the documents published by the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation allow us to restore and thoroughly analyze the actions of the Russian side, of the diplomats of Austria-Hungary, Germany and Serbia.

Keywords: July crisis, World War I, negotiation process, Russia, Austria-Hungary, Serbia

For citation: Pavlenko, O.V. (2022), "The July crisis of 1914. According to the materials of the new archival publications of the Russian Federation Ministry of Foreign Affairs", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 3, pp. 141–154, DOI: 10.28995/2073-6339-2022-3-141-154

Июльский кризис 1914 г., вызванный убийством наследника австро-венгерского престола кронпринца Франца Фердинанда в Сараево, привел к Первой мировой войне. В историографии не утихают дискуссии о степени вовлеченности великих держав и личном участии тех, кто был ответственным за принятие решения о вступлении в войну: императоров, политиков, дипломатов и военных. Каждый раз новое поколение историков вносит вклад в осмысление генезиса этой мировой трагедии и детальную реконструкцию событий, предшествовавших объявлению войны¹.

В нашу задачу не входит исследование процесса зарождения войны. Важно показать его взаимосвязь с длительным периодом геополитической конкуренции между Россией и Австро-Венгрией, выявить реальное влияние славянского/панславистского фактора, проанализировать интересы России в послевоенном планировании передела Европы. В современной историографии появились многочисленные исследования, приуроченные к столетию Первой мировой войны, в которых были опубликованы новые источники, важные для понимания ситуации в Европе в 1914–1918 гг. Внимание ученых привлекли не столько военно-дипломатические сюжеты, сколько историко-антропологические ракурсы, связанные с военной повседневностью фронта и тыла. Тем не менее в ряде зарубежных исследований вновь возник давно забытый тезис времен холодной войны о «вине» России в развязывании военного конфликта².

¹ *Mombauer A.* The origins of the First World War. Controversies and consensus. Harlow; N. Y., 2002. 256 p.; *Clark C.* The sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. L.; N. Y., 2012. 697 p.; *Любин В.П.* Современная историография Первой мировой войны // Изв. Уральского федерального ун-та. Сер. 3: Общественные науки. 2014. № 4 (134). С. 6–19; *Алиева Л.В., Карпова Д.Г.* Современная отечественная историческая наука о причинах Первой мировой войны // Псковский воен.-ист. вестн. 2016. Вып. 2. С. 243–251.

² *Mombauer A.* The Fischer controversy 50 years on // *Journal of contemporary history*. 2013. Vol. 48. No. 2. P. 231–240.

Не вдаваясь в подробности дискуссии, обратим внимание на новые публикации уникальных документов, сделанные Архивом внешней политики РФ, которые позволяют до деталей восстановить позицию российской дипломатии в июльском кризисе 1914 г., а также исследовать эволюцию геополитических подходов Российской империи к послевоенному переделу мира, который стал обсуждаться странами Антанты уже осенью 1914 г. Речь идет об историко-документальной публикации «Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны»³ и интересном издании «Дневники Л.В. Урусова»⁴. Они содержат ценнейшие сведения о последних годах Российской империи, совпавших с военным лихолетьем, падением монархии, переходным периодом от Февральской республики к утверждению советской власти.

Русский дипломат князь Лев Владимирович Урусов оставил уникальные дневники, своего рода – личную летопись роковых событий распада Российской империи. Первая запись датирована 23 июля 1914 г., когда Урусов работал первым секретарем в посольстве в Токио. Он был потомственным дипломатом, отец служил посланником в Мюнхене, дядя – послом в Париже. Блестящий спортсмен, чемпион России по теннису, один из зачинателей Олимпийского движения в России. Богатый, честолюбивый, приближенный ко двору обладатель придворного чина камер-юнкера нередко имел натянутые отношения с начальством. Либерал, близкий к кругу лидера кадетской партии П.Н. Милюкова. Сквозь призму его восприятия проступает история министерства иностранных дел и дипломатов, составлявших тогда довольно замкнутую, корпоративную среду посвященных в тайны и перипетии высокой политики. Его записи передают эмоциональный настрой в дипломатической среде, иногда сплетни и слухи, саркастичные оценки сослуживцев и начальников.

В фундаментальной публикации «МИД России в годы Первой мировой войны» особый интерес вызывает «Дневник МИДа», который вел барон Маврикий Фабианович Шиллинг (1872–1934), российский дипломат, камергер, доверенный человек министра Сазонова. В 1911–1917 гг. он был начальником Канцелярии

³ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. док. Тула, 2014. 957 с.; *Павленко О.В.* [Рец.:] Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: Сб. док. Тула, 2014 // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 231–234.

⁴ *Урусов Л.В.* Дневники Л.В. Урусова: 1914–1917. Тамбов, 2017. 590 с.

министра иностранных дел, подробно записывал все события, происходившие на Певческом мосту. Эти записи позволяют точно восстановить переговорный процесс, который происходил в российской элите и европейском дипломатическом корпусе в Петербурге во время июльского кризиса 1914 г.

Как только 3/16 июля была получена телеграмма от посла России в Вене Н.Н. Шебеко о готовящемся ультиматуме Сербии, было решено дать понять через итальянского посла в Петербурге Карлотти, что «Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целостность и независимость Сербии». Барон Шиллинг передал эти слова на великосветском вечере у графини Клейнмихель в тот же день. Карлотти, в свою очередь, сообщил, что в Вене убеждены в том, что Россия не решится на военные действия⁵. Впереди было время летних отпусков, но у дипломатов оно быстро закончилось. Уже 5/18 июля прервавший отпуск министр С.Д. Сазонов прямо с вокзала приехал в министерство, где принял посла Австро-Венгрии Сапари. Беседа имела самый примирительный и миролюбивый характер. Казалось, конфликт исчерпан. Только к вечеру 10/23 июля опять же от итальянского посольства стало известно, что Вена готовится «предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум». Правда, эту новость не подтвердили ни английское, ни французское посольство, ссылаясь на отсутствие точных сведений⁶.

В тот же день произошло событие, которое роковым образом повлияло на весь ход последующих событий. В Белграде скончался российский дипломат Николай Гартвиг. Он имел большое влияние на сербскую элиту, пользовался репутацией друга сербского народа и всех славян. Особые доверительные отношения связывали Гартвига с сербским правительством. Его роль в снятии напряженности во время боснийского кризиса 1908 г. и кризиса 1912 г. трудно переоценить. Белград искренне скорбел об утрате. По просьбе сербского правительства Гартвига похоронили в столице Сербии. Похороны превратились в демонстрацию глубоких симпатий сербов к России, чем немало тронули официальные круги в Петербурге. Но одновременно они были использованы сербским правительством как антиавстрийская демонстрация славянской солидарности.

⁵ Дневник МИД, 3 июля 1914 г. // Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны... С. 24 (далее – МИД России). Дневник велся по старому стилю, т. е. с опозданием на 14 дней от европейского календаря.

⁶ Дневник МИД, 10 июля 1914 г. // МИД России. С. 25.

Эти скорбные дни совпали с визитом президента Франции Раймона Пуанкаре и председателя Совета министров Вивиани в Петербург, заверявших, что Франция в случае войны выполнит свои союзнические обязательства⁷. Сербские политические газеты связывали этот визит с разрешением июльского кризиса и возлагали особые надежды на Россию.

Как подчеркивает сербский ученый М. Радивоевич, «сараевское покушение стало поводом для сведения счетов Австро-Венгрии с Сербией на уровне локальной войны и центральных держав с Россией и Францией на уровне европейской войны»⁸. При этом он утверждает, что среди стран Центральной коалиции сформировалось убеждение, что Великобритания не собирается втягиваться в войну. Согласно сербским дипломатическим документам, которые приводит М. Радивоевич, в начале июльского кризиса сербскому правительству давались ясные рекомендации с Певческого моста сохранять спокойствие и «не поддаваться на провокации» со стороны Австро-Венгрии⁹. Вообще, в сербской историографии преобладает мнение, что для Белграда в эти дни решающую роль играла позиция России. Сербы были убеждены, что, будучи «единственным настоящим союзником на Балканах», их страна имеет особое положение в системе российских приоритетов – политическое, стратегическое и моральное¹⁰.

Но донесения сербского посла Спалайковича свидетельствуют о несогласованности подходов Петербурга и Белграда, хотя на первой фазе июльского кризиса российское влияние оставалось определяющим. Русские настаивали на уступках Вене, что не удовлетворяло Белград. Новый российский посол Штрандтман, назначенный после смерти Николая Гартвига, вызывал у сербской элиты раздражение. Он не смог установить за короткий срок, да еще в такой напряженной ситуации, доверительные отношения.

⁷ Международные отношения в эпоху империализма: Док. из архивов царского и временного правительств: 1878–1917. Сер. 3. М.; Л., 1931. Т. 5. С. 3–5. (Далее – МОЭИ.)

⁸ *Радивоевич М.* Вступление России в Первую мировую войну: отклики и реакция в Сербии (июль – август 1914 г.) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские и балканские исследования. 2016. № 1 (19). С. 159.

⁹ Там же. С. 160.

¹⁰ *Митровић А.* Продор на Балкан: Србија у плановима Аустро-Угарске и Немачке, 1908–1918. Београд, 2011. С. 38–76; *Поповић Н.* Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977. С. 31–33; *Станковић Ђ.* Србија, 1914–1918: ратни циљеви. Нови Сад; Београд, 2014. С. 83.

Посол Спалайкович даже просил С.Д. Сазонова назначить послом в Белград другого дипломата – Николая Кудашева, советника российского посольства в Вене, «совершенно лояльного и искреннего человека, который в состоянии заменить в известной степени Гартвига»¹¹. Но просьба не была удовлетворена.

С одной стороны, Василий Штрандтман оказался в Белграде в тяжелейшее время и вынужден был сразу окунуться в водоворот переговоров. Возможно, у него не было времени и должного опыта, чтобы выработать четкую и жесткую позицию, как это делал Гартвиг в острые кризисные периоды. Штрандтман позволил себе попасть под влияние сербских политических кругов, особенно престолонаследника Александра, единственного, кто с ним тогда установил дружеские отношения, поскольку учился в Пажемском корпусе вместе с его братом.

С другой стороны, сербский посланник Спалайкович, человек эмоциональный, поборник славянской идеи, активно вел дело к войне, считая, что могучая славянская держава Россия сможет заступиться за Сербию и накажет Австро-Венгрию. Радивоевич отмечает, что в донесениях сербского посла из Петербурга проводилась мысль о том, что будто бы там «с нетерпением ожидали войны». Более того, он верил, что война будет иметь локальный характер: Россия с Сербией против Австро-Венгрии, а другие державы в нее не вступят. Неоправданный оптимизм, который нередко приводил к серьезным политическим просчетам. Сербский историк отмечает, что подобные оптимистичные донесения Спалайковича создавали ложное впечатление у сербского руководства. Попытки Штрандтмана сдерживать воинственные амбиции вызывали резкое недовольство и упреки¹².

11/24 июля стал переломным днем в цепи событий дипломатического кризиса. Когда утром пришла телеграмма из Белграда об австрийском ультиматуме, министр Сазонов произнес пророческую фразу: «Это европейская война». Он сразу доложил по телефону императору. Дневник МИДа зафиксировал только одну фразу Николая II: «Это возмутительно».

В тот же день проявились первые симптомы надвигающейся войны. На срочном заседании Совета министров было принято решение «безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов»¹³. Отзывались из отпусков дипломаты

¹¹ Радивоевич М. Указ. соч. С. 162–163. Основывается на сербских дипломатических документах.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Дневник МИД, 11 июля 1914 г. // МИД России. С. 26.

Канцелярии министра в виду чрезвычайной ситуации. Министры одобрили предложения С.Д. Сазонова:

1) вместе с державами Антанты просить Австрию продлить срок для ответа Сербии, чтобы ознакомиться с судебным следствием по делу сараевского убийства;

2) посоветовать Сербии «не принимать боя с австро-венгерскими войсками, а, оттянув вооруженные силы, обратиться к державам с просьбой рассудить возникший спор»;

3) провести мобилизацию четырех военных округов (Одесского, Киевского, Московского и Казанского), обоих флотов – Черноморского и Балтийского. Особо подчеркивалось, что «всякие военные приготовления были бы ясно направлены исключительно на случай столкновения с Австро-Венгрией и не могли быть истолкованы как недружелюбные действия против Германии»¹⁴.

Сразу после заседания Сазонов встретился с сербским посланником и дал «советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту». Вечером к Сазонову прибыл германский посол граф Пурталес, который сослался на то, что следствие добыло прямые доказательства причастности сербского правительства к убийству кронпринца. Сазонов резко осудил действия венского кабинета за то, что Сербии был дан слишком короткий срок для ответа, а великие державы не смогут подготовить своевременный отзыв.

Французский посол в Петербурге Палеолог считал, что Пуанкаре не стоит прерывать свое путешествие в скандинавские страны, чтобы не провоцировать всеобщую панику. Ситуация представлялась ему «отнюдь не безнадежной», он не верил, что Германия готова решительно поддержать действия Австро-Венгрии¹⁵.

Сразу после передачи ультиматума Никола Пашич, сербский министр иностранных дел, пригласил к себе посла Штрандтмана, который советовал идти на уступки «до крайних пределов». Интенсивные консультации между Петербургом и Белградом продолжались, Пашич и Сазонов постоянно находились на связи. С.Д. Сазонов, понимая всю ответственность за принятие решений в эти дни, проговаривал все детали со своим близким кругом, куда входили А.А. Нератов (товарищ министра иностранных дел, гофмейстер, член государственного Совета с 1916 г.), барон Шиллинг и князь Г.Н. Трубецкой (вице-директор Первого департамента МИДа, в 1914–1916 гг. – посланник в Сербии).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 27.

На встрече с сербским престолонаследником Александром Карагеоргиевичем посол Штрандтман посоветовал напрямую писать императору Николаю об унижительных требованиях и просить о покровительстве с надеждой, что просьба будет услышана «благородным славянским сердцем»¹⁶. Сербия вынуждена была принимать позицию Антанты. Россия предложила продлить срок действия ультиматума, Сербия приняла это предложение. В свою очередь, Лондон внес предложение о мирной конференции великих держав, Белград также его поддержал.

25 июля утром в Красном Селе император собрал совещание министров по государственной обороне. Было «решено пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовленные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности»¹⁷. Лондон и Париж еще надеялись, что ситуация с ультиматумом найдет компромиссное решение. Оптимизма прибавляло заявление австро-венгерских дипломатов о разнице между ультиматумом и простой *pote à terme* (нотой с указанием срока для ответа). Именно такой и являлась нота, врученная австрийским посланником в Белграде 10/23 июля. Соответственно дипломаты надеялись, что даже в случае неудовлетворительного ответа Сербии «военные действия могут еще не начаться сразу»¹⁸.

Но после сербского ответа австрийский посол демонстративно покинул Белград. В европейских кабинетах поднялась тревога. Надежды Антанты были связаны с Россией, позиция которой была гораздо более сдержанной, чем у воинственной и оскорбленной Сербии. Тем не менее сербские элиты были убеждены в готовности России к войне и еще более раздраженно реагировали на попытки Штрандтмана умерить их пыл. Стол Пашича в июльские дни был завален депешами от сербских дипломатических представительств. Сам он, истощенный, очень опасался, что Петербург даст обратный ход.

В ответе Николая II на письмо Александра Карагеоргиевича сохранилась просьба к сербскому кабинету поддержать его старания «избежать пролития крови», хотя он и уверял, что в случае войны Россия не оставит Сербию. Но письмо пришло 27 июля, когда Пашич принял решение прекратить дальнейшие уступки и передать роль посредника Великобритании. Хотя надежды на поддержку России сохранились, М. Радивоевич приводит переписку принца

¹⁶ *Радивоевич М.* Указ. соч. С. 161. Ссылается на сербские дипломатические документы.

¹⁷ Дневник МИД, 12 июля 1914 г. // МИД России. С. 28.

¹⁸ Там же.

Александра и короля Черногории Николы Петровича от 27 июля, в которой оба высказывают надежду на «помощь царственной и могучей России на стороне сербской правды»¹⁹. В манифесте принца Александра особо подчеркивались мирные усилия России. Казалось, все стремились избежать непосредственной угрозы войны.

16/29 июля германский посол встретился с Сазоновым, чтобы сообщить ему «приятное известие»: Германия согласна продолжить попытки «склонить венский кабинет к уступкам, но просит, чтобы это было сохранено в строгой тайне, так как разглашение подобных намерений германского правительства могло бы создать впечатление, будто взгляды Австрии и Германии в настоящее время не вполне согласны»²⁰. Германский посол также настоятельно просил, чтобы в России не было объявлено о «преждевременной мобилизации», так как это усложнило бы попытки Берлина воздействовать на Вену. Но министр Сазонов не поверил этой конфиденциальной информации. После консультаций с близким окружением он пришел к выводу о том, что Германия хотела бы «усыпить наше внимание, по возможности отсрочить мобилизацию русской армии и выиграть время для соответственных приготовлений». Он также не исключал, что влияние Германии сильно упало в Вене, а «Австрия зашла слишком далеко без содействия или, по крайней мере, потворства Германии»²¹.

16/29 июля стало решающим днем. Во время второго визита германского посла Сазонову была передана телеграмма канцлера, в которой заявлялось: «Если Россия будет продолжать свои военные приготовления, хотя бы и не приступая к мобилизации, Германия сочтет себя вынужденной мобилизовать, и в таком случае последует с ее стороны немедленное нападение». После таких слов между дипломатами произошла эмоциональная сцена. Сазонов резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Германский посол Пурталес вскочил с места и воскликнул: «Я всеми силами протестую, господин министр, против этого оскорбительного утверждения». На что министр сухо возразил, что «Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения»²². Расстались собеседники сухо.

Сразу после этой встречи раздался звонок императора Николая, который сообщил Сазонову, что получил телеграмму от императора

¹⁹ Радивоевич М. Указ. соч. С. 163.

²⁰ Дневник МИД, 16 июля 1914 г. // МИД России. С. 29.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 30.

Вильгельма с убедительной просьбой не доводить дело до войны. Он обещал использовать все влияние на австрийцев, чтобы достичь «удовлетворительного соглашения» с Россией. Сазонов выразил сомнение в искренности Вильгельма, рассказав о своем разговоре с послом Пурталесом. Николай обещал в ответной телеграмме потребовать от Берлина объяснения. Одновременно он разрешил С.Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником Генерального штаба²³. Заметим, что уверения в верности союзническим обязательствам Петербург получил только от Франции. Великобритания предпочла уклониться от ответа.

Действительно, в телеграмме Николая II императору Вильгельму значилось: «Официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено совершенно в иных тонах. Прошу Тебя объяснить это противоречие». Чтобы избежать кровопролития, Николай предлагал передать австро-сербский конфликт в международный арбитраж. Но телеграмма так и осталась без ответа²⁴. В этот день было получено сообщение о начале бомбардировки Белграда²⁵. Австро-Венгрия нарушила дипломатический процесс, первой начав военные действия, мотивируя это тем, что Сербия не дала удовлетворительного ответа на австрийский ультиматум.

В историографии хорошо известны колебания не только самого императора Николая II, но и силовых министров и министра иностранных дел в отношении вопроса об объявлении частичной или полной мобилизации. Не менее детально представлена хронология событий и дипломатические контакты между Петербургом и Берлином в те роковые дни 1914 г. Не вызывает сомнений факт, что российский император делал все возможное, чтобы разрешить этот конфликт дипломатическими мерами, избежать войны в Европе. Эти дни были также подробно описаны бароном Шиллингом в «Дневнике МИДа».

17/30 июля министр С.Д. Сазонов был очень активен, беседа по телефону, встречаясь с министром земледелия А.В. Кривошеиным, военным министром Сухомлиновым, начальником Генерального штаба Янушкевичем. «Полученные за ночь известия еще более укрепили всех в убеждении о настоятельной необходимости, не теряя времени, готовиться к серьезной войне»²⁶. Все четверо

²³ Дневник МИД, 16 июля 1914 г. // МИД России. С. 30–31.

²⁴ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 205–206.

²⁵ Телеграмма поверенного в делах России в Сербии В.Н. Штрандтмана № 243 от 16/29 июля // Там же. С. 236.

²⁶ Дневник МИД, 17 июля 1914 г. // МИД России. С. 31.

согласовали свою позицию и договорились звонить императору, чтобы убедить его в необходимости общей мобилизации. «Его величество решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор. Янушкевич, который держал трубку, только успел сказать, что рядом с ним министр иностранных дел и просит разрешения сказать несколько слов государю. После некоторого молчания Николай согласился его выслушать. Сазонов попросил о приеме в тот же день для неотложного доклада. Император согласился принять его одновременно с Татищевым в 3 часа».

Более всего силовые министры опасались оказаться неподготовленными к войне с Германией, если не будет объявлена общая мобилизация. Начальник Генерального штаба Янушкевич просил согласия императора перевести частичную мобилизацию во всеобщую и «заменить разосланные уже приказания новыми». Перед докладом императору Сазонов встретился с французским послом. Потом Кривошеин, Сазонов и Шиллинг, завтракая у Данона, говорили о необходимости «настоять на скорейшей общей мобилизации ввиду становящейся каждому все более ясной неизбежности близкой войны с Германией», иначе «мы бы шли на верную катастрофу»²⁷.

Во время доклада императору министр Сазонов и генерал-майор Татищев в течение часа доказывали, что «война стала неизбежной, так как по всему видно, что Германия решила довести дело до столкновения, иначе она не отклоняла бы всех делаемых примирительных предложений и легко могла бы образумить свою союзницу». Сазонов настаивал на объявлении общей мобилизации, аргументируя это тем, что «лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох»²⁸. Впоследствии барон Шиллинг записал в «Дневнике МИДа» со слов министра сведения о реакции царя: «Сильное желание государя во что бы то ни стало избежать войны, ужасы которой внушали ему крайнее отвращение, заставляло его величество, в сознании принимаемой им в этот роковой час тяжелой ответственности, искать всевозможных способов для предотвращения надвигающейся опасности. Сообразно с этим он долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле».

²⁷ Там же. С. 32.

²⁸ Там же.

Император понимал, что полнота ответственности лежит только на нем. «Наконец государь согласился с тем, что при нынешних обстоятельствах было бы наиболее опасным не подготовиться вовремя, по-видимому, к неизбежной войне, и потому дал свое разрешение приступить сразу к общей мобилизации»²⁹. Но даже после принятия решения о полной мобилизации Николай II надеялся, что она не станет бесповоротным поводом к объявлению войны, о чем телеграфировал в тот же день кайзеру Вильгельму. Текст этой телеграммы хорошо известен: Россия не начнет никаких военных действий, пока «длятся переговоры с Австрией по сербскому вопросу»³⁰.

Утром 18/31 июля на всех улицах российских городов появились объявления на красной бумаге с призывом встать под знамена. Это вызвало большое волнение в дипломатическом корпусе. Первым к Сазонову приехал германский посол. «С.Д. Сазонов заявил ему, что принятое императорским правительством решение является лишь мерой предосторожности ввиду обнаруживаемой в Берлине и Вене несговорчивости, но что со стороны России не будет сделано ничего непоправимого и, несмотря на мобилизацию, мир может быть сохранен, если Германия огласится, пока еще не поздно, умеряюще воздействовать на свою союзницу»³¹. Граф Пурталес не скрывал, что в Берлине отреагируют крайне негативно.

На следующий день состоялся знаковый разговор между министром Сазоновым и германским послом, во время которого граф Пурталес трижды повторил вопрос: согласна ли будет Россия отменить мобилизацию по требованию Германии? На что Сазонов каждый раз отвечал, что мобилизация не будет отменена, но «Россия не отказывается продолжать переговоры в видах изыскания мирного выхода из создавшегося положения». После этого германский посол вручил ноту с объявлением войны, которая, как оказалось, содержала два варианта, которые по оплошности посольства были соединены в один. Граф Пурталес заплакал, обнял министра и сказал: «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких условиях». Сразу были оповещены император, послы Антанты, все дипломатические представительства³².

На следующий день все германское посольство и баварское консульство в составе 80 человек покинули Петербург.

²⁹ Дневник МИД, 17 июля 1914 г. // МИД России. С. 32.

³⁰ МОЭИ. Сер. 3. Т. 5. С. 289.

³¹ Дневник МИД, 18 июля 1914 г. // МИД России. С. 33.

³² Там же.

Сербия ликовала. На заседании Народной Скупщины во время тронной речи Карагеоргиевича после каждого упоминания царя и России следовали громогласные и восторженные крики «Да здравствует!». Дипломатические сербские документы были все пронизаны демонстрацией славянских братских чувств «к святой православной России», благодарности за «высокое покровительство» русскому царю и народу. Подчеркивалась главная идея – Россия заступница сербов, следовали просьбы одобрить займ и поставки оружия. Николай II сразу отписал на телеграмме: «Надо помочь». На оборотной стороне другой дипломатической телеграммы, в которой сообщалось об объявлении Германией войны России, сербский премьер Никола Пашич написал: «Пусть она будет счастливой для славянства»³³. В письме к Сазонову он искренне клялся: «Сербия решила жить или умереть с Россией и за Россию, которая не должна терять надежды на Бога и его милость».

Манифестации в Петербурге 3 августа 1914 г. перед посольством Сербии вылились в мощную демонстрацию славянской солидарности. Маховик войны был запущен. Реконструкция событий июля 1914 г. на основе документов российского МИДа показывает, что император Николай II пытался до последнего избежать втягивания России в Первую мировую войну. Страна не была готова к масштабным военным действиям, поскольку модернизация армии затягивалась, а программа перевооружения военно-морского флота только запускалась. Тем не менее роковые цепочки событий в Сербии, Австро-Венгрии, Германии и России сплетались в один узел, развязать который было уже невозможно. Общее недоверие и крайняя подозрительность, царившие в дипломатических и придворных кругах, не позволили дипломатам этих стран найти выход. Чрезвычайное напряжение, в котором находились Белград и Вена, импульсивно передавалось в Берлин и Петербург, оттуда – в Париж и Лондон. Опасение затянуть мобилизацию в случае наступления противника, быть застигнутым врасплох было движущим мотивом элит всех вовлеченных сторон. Войны никто не хотел, но каждая из сторон своими действиями подталкивала мир к трагической развязке. Никто не предполагал, что «большая европейская война» превратится в страшную кровавую бойню с миллионами жертв, разрушением империй – Российской, Османской, Австро-Венгрии и Второго рейха, крахом прежнего мироустройства.

³³ Радивоевич М. Указ. соч. С. 165.

Информация об авторе

Ольга В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pavlenko@rggu.ru

Information about the author

Olga V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pavlenko@rggu.ru